

УДК 165.19

**ОБРАЗ МИФА В КОНЦЕПЦИИ
«МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА»
П. ФЕЙЕРАБЕНДА**

П.Б. Тычкин

Тычкин Павел Борисович,
канд. филос. наук, доцент
кафедры философии Инсти-
тута социально-гуманитарных
технологий Томского поли-
технического университета
(Россия, 634050, г. Томск, пр.
Ленина, д. 30).
E-mail: medved2912@mail.ru

В статье эксплицируются вопросы, связанные с проблемой поиска новых дефиниций мифа как формы мировоззрения и познавательной практики в контексте современных тенденций развития эпистемологии, представленных в данном случае концептуальными идеями одного из адептов постпозитивизма Пола Фейерабенда. Методологический плюрализм, провозглашаемый П. Фейерабеном, дает ему возможность осуществить деконструкцию дисциплинарных границ науки. Ученый объявляет несостоятельную точку зрения, согласно которой результаты научно-

го прогресса независимы от внеученых традиций. Согласно принципу пролиферации, выдвигаемому ученым, наука представляет собой многообразие теорий, несоизмеримых, как было сказано выше, вследствие принципиальной различности логических оснований, определяемых различиями в способах мышления ученых. Указанные же различия проистекают из едва ли поддающегося процедурам четкой дефиниции многообразия влияющих на это разнообразие факторов, в том числе связанных с внеучеными ценностными ориентациями. Применение метода компаративистского анализа мифа и образа науки, предлагаемого П. Фейерабеном, позволяет сделать вывод о значимости мифа и как предтечи науки, и как потенциально перспективной, альтернативной науке формы мышления сегодня. П. Фейерабеном, не изучая глубоко вопрос о механизмах корреляции мифа и науки, обосновывает ее возможность и необходимость. В работе делается вывод об актуализации исследований в области поиска возможных корреляций науки и мифа, имеющих потенциал для развития.

Ключевые слова: миф, наука, постпозитивизм, методологический плюрализм, принцип пролиферации.

Проблема взаимодействия логики мифа с онтологическими и методологическими основаниями науки, актуализированная сегодня в отечественных и зарубежных исследованиях [1], с очевидностью ставит вопрос об образе современной науки [2]. Последний же базируется на положениях постнеклассической научной рациональности, формирующейся в конце XX – начале XXI века. В процессе ее становления важную роль сыграла философия постпозитивизма, радикально изменившая как понимание отдельных категорий науки, так и научную картину мира в целом. Природа научной истины, рост научного знания, методологический плюрализм, демаркация научного и внеученого знания, внимание к историческим и общекультурным аспектам развития науки – эти и многие другие проблемы оказались в фокусе исследователей, работавших в логике постпозитивистской философии науки. Постпозитивизм кардинально расширяет гносеологические горизонты науки посредством принципиально новых трактовок базисных эпистемологических процедур. На смену идее поступательного линейного развития науки приходит антикумулятивизм с его императивом о несоизмеримости различных парадигм и научной революции как основного катализатора развития науки [3]. Важную роль в процессе смены парадигм играет научное сообщество и разделяемые им ценностные установки, очевидно испытывающие влияние различных общекультурных и социальных факторов [3. С. 276–277]. Это позволяет ставить вопрос об изучении последних как значимого механизма в функционировании и развитии научного знания [4].

К. Поппер обосновывает принцип фальсификации в качестве критерия демаркации научного и внеученого знания [5]. Не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что фальсификационизм применяет критерий, который традиционно использовался для характеристики как раз внеученых традиций (в том числе мифа), уже как способ элиминации современного научного знания, тем самым создавая основу для принципиально нового понимания последнего [6].

Анализ всего многообразия концепций, представляющих философию постпозитивизма, безусловно, должен являться задачей отдельного исследования. В рамках нашей работы мы обратимся к концепции одного из представителей постпозитивизма, а именно П. Фейерабенда, поскольку его взгляды во многом релевантны рассматриваемой проблематике.

Одним из основных вопросов, оказавшихся в центре внимания ученого, становится проблема роста научного знания. П. Фейерабенд подвергает резкой критике идею кумулятивизма, подразумевающую понимание развития науки как процесса постоянного накопления знаний, в ходе которого новые теории с необходимостью включают в себя предыдущие, менее полные и глубокие. На смену кумулятивизму должен прийти принцип пролиферации – увеличения, умножения конкурирующих теорий. Основой для указанного принципа служит убеждение П. Фейерабенда в том, что различные теории в науке являются несоизмеримыми вследствие кардинальных различий авторской логики, фундирующей способы понимания и объяснения объектов и процессов в этих теориях. Исходя из этого, мы не можем осуществлять эффективный отбор наиболее верных теорий на основании какого бы то ни было универсального критерия. Любые теории должны иметь возможность развиваться, поскольку именно увеличение разнообразия усиливает критическую силу науки. Требование согласованности новых гипотез с ранее обоснованным знанием, напротив, вредно, так как «...сохраняет более старую, а не лучшую теорию» [7. С. 166]. Следовательно, «допустимо все» – так кратко можно сформулировать стержневое положение эпистемологического анархизма. Реализации постулатов последнего способствует и принцип «упорства», выдвигаемый П. Фейерабендом и отвечающий задаче отстаивания права на существование теории, несмотря на имеющиеся альтернативы и наличие противоречий с фактами.

Методологический плюрализм, провозглашаемый П. Фейерабендом, дает ему возможность осуществить деконструкцию дисциплинарных границ науки. С одной стороны, происходит разрушение привычного понимания науки как формы знания, обладающей уникальным и универсальным набором методов познания, позволяющих достигать истины на основе реализации четких и однозначных критериев [8]. С другой стороны, П. Фейерабенд легитимизирует мировоззренческие и общекультурные факторы в качестве элементов, с необходимостью обуславливающих позиции тех или иных ученых.

Принцип пролиферации, посредством которого П. Фейерабенд изначально обуславливает рост научного знания, в дальнейшем экстраполируется им на множество традиций, существующих в культуре в целом. Наука не может претендовать на господствующее положение по сравнению с другими формами знания, поскольку аргументы в пользу такого доминирования при более пристальном их рассмотрении оказываются во многом несостоятельными. В первую очередь, это претензии науки на объективность получаемого знания. В этой связи П. Фейерабенд пишет: «Некоторой традиции присущи желательные или нежелательные свойства только при сравнении ее с другой традицией, то есть только когда она рассматривается участниками, которые воспринимают мир в терминах свойственных им ценностей. Взгляды этих участников и выражающие их утверждения кажутся объективными вследствие того, что ни сама традиция, ни ее участники в этих утверждениях не упоминаются. В то же время они субъективны, поскольку зависят от избранной традиции и от ее использования участниками» [9. С. 493]. Иными словами, объективность есть категория, используемая в рамках научной традиции, и, следовательно, обусловлена теми ценностными установками, на которых покоятся все ее онтологические основания. Однако неправомерно использовать критерий научного знания для оценки альтернативных традиций. В силу этого если объективность может быть достигнута в рамках науки (хотя и это, согласно П. Фейерабенду, спорный вопрос), то говорить об объективности как об аргументе в пользу научной традиции по сравнению с другими формами знания нельзя.

Еще одно преимущество, традиционно приписываемое науке, – это значимость достигаемых ею результатов. Именно огромный вклад науки в развитие прежде всего материальной культуры зачастую дает основания для придания научной традиции статуса доминирующей. П. Фейерабенд не согласен и с этим доводом. Признание лидирующей позиции науки согласно критерию результативности может быть справедливо лишь при справедливости двух основных условий: истинности утверждения о том, что другие традиции не создали ничего соизмеримого с результатами науки, и истинности утверждения об автономности достижений науки. Но ни

одно из этих условий, согласно П. Фейерабенду, не выполняется. Выстраивая логику опровержения указанных утверждений, он обращается к мифу: «Если науку ценят за ее достижения, то миф мы должны ценить в сотни раз выше, поскольку его достижения несравненно более значительны. Изобретатели мифа положили начало культуре, в то время как рационалисты и ученые только изменяли ее, причем не всегда в лучшую сторону» [9. С. 516]. Именно в рамках мифологического мировоззрения были заложены основы как для развития многих форм практической деятельности, так и, что немаловажно, духовного роста общества. В частности, речь идет о таких достижениях, как одомашнивание животных, селекция растений, успехи в области астрономии и географии. В современном мире результаты, показываемые так называемой нетрадиционной медициной (хотя в контексте изучаемой проблематики ее следовало бы понимать как раз как традиционную), во многом не могут быть объяснены с позиции научной логики, но тем не менее заслуживают признания. В сфере духовной культуры в ранние периоды развития общества миф создал стройную систему космологических представлений, коррелирующую с научными взглядами, появившимися только в рамках современной науки [10]. Синкретизм мифа породил «наилучшую экологическую философию», актуальность которой была признана в современном мире относительно недавно. Эти и другие выводы, сделанные П. Фейерабеном в защиту тезиса о значимости результатов, достигнутых человеком в рамках мифологического способа мышления, известным образом переключаются с позицией Э. Кассирера. Последний, характеризуя влияние логики мифа на практические действия, пишет: «Использование огня, как и изготовление определенных орудий труда, земледелие или умение охотиться, знание отдельных лекарственных средств или изобретение письма — все это представляется подарком божественных сил... Приручение животных также, возможно, поначалу развивалось на религиозной основе и при наличии совершенно определенных мифологически-религиозных предпосылок, прежде всего тотемистических [11. С. 211]. Подобные взгляды мы встречаем и у К. Хюбнера, отмечавшего, что приручение животных, развитие земледелия, неолитическая революция в целом осуществились «...исключительно на основе мифической системы опыта и мышления [12. С. 241].

Несостоятельной объявляется П. Фейерабеном и точка зрения, согласно которой результаты научного прогресса независимы от вненаучных традиций. Согласно принципу пролиферации, выдвигаемому ученым, наука представляет собой многообразие теорий, несоизмеримых, как было сказано выше, вследствие принципиальной различности логических оснований, определяемых различиями в способах мышления ученых. Указанные же различия проистекают из едва ли поддающегося процедурам четкой дефиниции многообразия влияющих на это разнообразие факторов, в том числе связанных с вненаучными ценностными ориентациями. П. Фейерабэнд здесь приводит пример, связанный с коперниканской революцией, базирующейся во многом на «мистической вере» и «ненаучном использовании допотопных идей» древних (в частности, Филолая и Аристарха) [9. С. 516–517].

Однако в современном обществе мы не можем наблюдать сколько-нибудь значимых (по сравнению с наукой) результатов деятельности вненаучных традиций. Этот тезис П. Фейерабэнд также подвергает критике. Отсутствие в настоящий момент таких результатов не может являться основанием для того, чтобы определенная форма знания потеряла право на существование. Здесь П. Фейерабэнд обращается к примерам из истории науки, в частности, к атомистической философии, которая неоднократно подвергалась забвению с тем, чтобы в конечном итоге восторжествовать в период Нового времени. В связи с этим П. Фейерабэнд утверждает: «...временную задержку в развитии некоторой идеологии... нельзя считать основанием для ее устранения» [9. С. 512]. Тем не менее мы видим сегодня, что наука фактически вытеснила другие традиции на второй план. Но, вопреки доводам «рационалистов», это произошло не в ходе естественной конкурентной борьбы, а как результат действия ряда причин, которые нельзя назвать объективными. Во-первых, наука доминирует вследствие некоторых ее достижений, реализованных в сфере общественной жизни – таких, как развитие системы всеобщего образования, медицины и т. д., что, по мнению П. Фейерабэнда, создает препятствия для развития других форм знания. Во-вторых, сторонники науки выступали более решительно и не захотели (или не смогли) оценить значимость альтернативных науке традиций. Таким образом, императивное положение науки обусловлено сегодня «организованными для нее пропагандист-

скими и рекламными акциями... и представляет собой итог политического, институционального и даже вооруженного давления» [9. С. 513–514].

Выходом из сложившейся ситуации, согласно П. Фейерабенду, является предоставление всем существующим в культуре традициям возможностей для развития. Такие возможности могут быть созданы благодаря институтам подлинно свободного общества, в котором человек имеет право на выбор тех способов самоидентификации и мышления, которые ему наиболее близки. П. Фейерабенд заявляет о необходимости отделения науки от государства, что позволит реализоваться указанному свободному выбору, поскольку «свободным является общество, в котором всем традициям предоставлены равные права и одинаковые возможности влиять на образование и другие прерогативы власти» [9. С. 496].

Даже на фоне принципиально новых идей, выдвигаемых представителями постпозитивистской философии науки, взгляды П. Фейерабенда отличаются своей радикальностью. Положения «эпистемологического анархизма» и социологические представления автора вызвали волну критики со стороны научного сообщества. Тем не менее взгляды, высказанные П. Фейерабендом, вызвали к жизни целый ряд дискуссий, приведших к пересмотру многих позиций как в области методологии науки, так и в современной философии в целом.

П. Фейерабенд не создает целостной концепции мифа, как это делают, в частности, Э. Кассирер и К. Хюбнер. Но во многом идеи именно этого ученого создают основу для актуализации тех проблем, на анализ которых направлено наше исследование. Тезис П. Фейерабенда о большом потенциале вненаучных традиций в современных условиях не находит в его работах дальнейшей конкретизации. Но это создает условия для осознания необходимости изучения дефиниций мифа (и всего массива вненаучных традиций в целом) и возможных стратегий его функционирования сегодня [13]. (Другое дело, что часто это приводит к появлению большого количества «исследований», справедливо характеризующихся как «лженаучные», в которых абсолютно безосновательно (или на основе произвольно выбранных авторами весьма поверхностных аргументов, не выдерживающих серьезной критики) постулируются лозунги «реформы науки», насколько примитивные, настолько и опасные. Мы указываем на наличие такой тенденции только для того, чтобы подчеркнуть необходимость отделения последней от серьезных исследований в философии науки). Сам факт появления в постпозитивистской философии науки таких радикальных взглядов говорит о формировании предпосылок для складывания принципиально новой научной картины мира, с необходимостью включающей достижения альтернативных традиций.

Миф у П. Фейерабенда выступает в качестве одного из наиболее ярких примеров таких традиций. Достижения человечества в рамках мифологического мировоззрения описаны у П. Фейерабенда достаточно поверхностно, он не осуществляет подробный и глубокий анализ логики мифа. Но «эпистемологический анархизм» показывает нам пример того, что сама наука заявляет о необходимости пересмотра многих ее принципов, казавшихся до недавнего времени аксиоматическими.

Прослеживается определенная общность позиций П. Фейерабенда и философов, занимавшихся проблемами сравнительного изучения мифа и науки. Действительно, Э. Кассирер и К. Хюбнер, осуществляя детальный анализ различных аспектов мифа в их соотношении с наукой, делают вывод о принципиальной несовместимости этих форм знания, легитимизируя в то же время логику мифа как вполне сопоставимую с логикой науки. В том же русле размышляет и П. Фейерабенд, утверждая значимость мифа и как предтечи науки, и как потенциально перспективной, альтернативной науке формы мышления сегодня. Различия между указанными исследователями заключаются в степени концептуализации проблемы соотношения науки и мифа. Если Э. Кассирер и К. Хюбнер разрабатывают целостные концепции, тщательно анализируя логику корреляции мифа и науки, то П. Фейерабенд, не изучая глубоко вопрос о механизмах такой корреляции, обосновывает ее возможность и необходимость. Может создаться впечатление, что П. Фейерабенд противопоставляет эти традиции, говоря о неоправданных претензиях науки на исключительность в получении достоверного знания о мире. Но это противопоставление лежит лишь в плоскости вопросов, касающихся необходимости уравнивания шансов для развития различных форм знания. Что же касается самой возможности взаимодействия альтернативных идеологий, то (как и в случае внутринаучного генезиса и корреляции теорий) П. Фей-

ерабенд заявляет об исчезновении границ между наукой и ненаукой. Ярко проявляющаяся радикальность П. Фейерабенда в этом вопросе вызывает критику, которая, в свою очередь, заставляет создавать новые подходы с целью конкретизации процессов взаимовлияния науки и иных традиций. Иными словами, зачастую кажущиеся нарочитыми резкость и категоричность высказываний П. Фейерабенда приводят к очевидной необходимости ретуширования этой радикальности, что вытекает в конечном итоге не в тождественную резкость, а в логику поиска возможных корреляций науки и мифа, имеющих потенциал для развития [14].

Выводы

Взгляды П. Фейерабенда во многом послужили основой как для формирования постмодернистских концепций (в первую очередь, касающихся философии науки), так и для складывания постнеклассической научной картины мира [15]. Это приводит к некоторой неоднозначности в оценке роли «эпистемологического анархизма» в контексте исследуемой нами проблематики.

Испытав, безусловно, идейное влияние постмодернизма, современная философия науки оказалась в ситуации неясности оснований для своей дальнейшей эволюции. Агонистика, торжество «маленьких рассказов», нарративность и текстуальность как доминанты культуры, критика порядка как проявления тоталитаризма, деконструкция смыслов – эти и многие другие установки, ставшие манифестацией постмодернизма, были восприняты философией науки и реализовались в положениях постнеклассической научной рациональности.

С одной стороны, это обусловлено необходимостью учета тенденций, характерных для всей современной культуры в целом, органичной частью которой является наука. В этом смысле идеи П. Фейерабенда о взаимодействии различных традиций находят свое воплощение.

С другой стороны, принцип пролиферации, радикально развитый представителями постмодернистской философии [16], будучи распространенным на все поле культуры, привел к ситуации некоей теоретической растерянности, выражающейся в разрушении дефиниций, конституирующих науку как целостное явление [17]. Тезис о необходимости корреляции науки с альтернативными формами знания, являясь по своей сути объективно актуальным в современных условиях, тем не менее носит во многом декларативный характер, поскольку зачастую не наполнен конкретным содержанием. Это создает почву для распространения многочисленных спекуляций (речь об этом уже шла выше), вызывающих вполне справедливое резкое неприятие со стороны научного сообщества. Вследствие этого (что в рамках настоящего исследования наиболее важно) дискредитируется как миф в целом в качестве одной из традиций, имеющих право на существование сегодня, так и проблема его взаимодействия с наукой. Отсюда особую актуальность приобретает реализация исследований, направленных на серьезный концептуальный анализ указанной проблематики с целью определения онтологических оснований для возможного взаимовлияния постнеклассического образа науки и мифа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ebert, John D. Ancient myth and modern science – A reconsideration // *Parabola*. – 2008. – № 33. – P. 48–54.
2. Schrempf, G. *The Ancient Mythology of Modern Science: A Mythologist Looks (Seriously) at Popular Science Writing*. – Montreal.: McGill-Queens University Press, 2012. – 300 p.
3. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2003. – 365 с.
4. Микешина Л.А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. – М.: Прогресс-Традиция; МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.
5. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-традиция, 1999. – 390 с.
6. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. – М.: Логос, 2000. – 320 с.
7. Фейерабенд П. Против методологического принуждения / Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 125–466.

8. Тычкин П. Б. Когнитивный потенциал мифа в контексте современной научной картины мира (к критике структуралистской концепции мифа Р. Барта) // Известия Томского политехнического университета – 2012 . – Т. 320, № 6. – С. 94–99.
9. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 467–523.
10. Романовская Т.Б. Рациональное обоснование вненаучного // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 23–36.
11. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – Т. 2: Мифологическое мышление. – 280 с.
12. Хюбнер К. Истина мифа. – М.: Республика, 1996. – 448 с.
13. Тычкин П.Б. Эвристические аспекты категории «событие» в компаративистском анализе мифа и науки // Вестник науки Сибири. – 2012. – №1 (2). URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/230> (дата обращения: 22.02.2015).
14. McCauley R.N. Cognition, Science and Religion: The Naturalness of Religion and the Unnaturalness of Science. – Arlington: The University of Texas at Arlington; TX: Philosophy Lecture Series, 2005.
15. Ивушкина Е.Б. Отношения науки и мифа в эпоху постмодерна // Аналитика культурологии: электронное научное издание. URL: http://analiculturolog.ru/archive/item/395-article_23.html (дата обращения: 08.11.2014).
16. Сыров В.Н. Философия эпохи постмодерна: всерьез и надолго? // Философская и правовая мысль: альманах. – Саратов; СПб., 2001. – Вып. 2. – С. 188–203.
17. Ардашкин И.Б. Онтологические основания проблемно-ориентированных исследований // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 320. – № 6. – С. 56–63.

REFERENCES

1. Ebert, John D. Ancient myth and modern science – A reconsideration // Parabola, 2008, no. 33, pp. 48–54.
2. Schrempp, G. The Ancient Mythology of Modern Science: A Mythologist Looks (Seriously) at Popular Science Writing. Montreal.: McGill-Queens University Press, 2012, 300 p.
3. Kun T. Struktura nauchnyh revolyuciy [Structure of Scientific Revolutions]. M.: AST, 2003, 365 p.
4. Mikeshina L.A. Filosofiya nauki: sovremennaya yepistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kultury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya [Philosophy of science: a modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Research Methodology]: textbook. M.: Progress-Tradiciya: MPSI : Flinta, 2005, 464 p.
5. Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie [Theoretical knowledge]. M.: Progress-tradiciya, 1999, 390 p.
6. Kanke V.A. Osnovnye filosofskie napravleniya i koncepcii nauki. Itogi XX stoletiya [Main philosophical trends and concepts of science. Results of the XX century]. M.: Logos, 2000, 320 p.
7. Feyerabend P. Protiv metodologicheskogo prinuzhdeniya [Against methodological compulsion] / Feyerabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki [Selected works on the methodology of science]. M.: Progress, 1986, pp. 125–466.
8. Tychkin P. B. Kognitivnyy potencial mifa v kontekste sovremennoy nauchnoy kartiny mira (k kritike strukturalistskoy koncepcii mifa R. Barta) [Cognitive potential myth in the context of modern scientific picture of the world (to the criticism of structuralist Roland Barthes concept of myth)] // Bulletin of the Tomsk Polytechnic University, 2012, vol. 320, no. 6, pp. 94–99.
9. Feyerabend P. Nauka v svobodnom obshchestve [Science in a Free Society] / Feyerabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki [Selected works on the methodology of science]. M.: Progress, 1986, pp. 467–523.
10. Romanovskaya T.B. Ratsionalnoe obosnovanie vnenauchnogo [The rationale for non-scientific] // Voprosy filosofii, 1994, no. 9, pp. 23–36.
11. Kassirer Ye. Filosofiya simvolicheskikh form [The philosophy of symbolic forms]. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001, vol. 2: Mifologicheskoe myshlenie [Mythological thinking], 280 p.
12. Hyubner K. Istina mifa [The truth of the myth]. M.: Respublika, 1996, 448 p.

13. Tychkin P.B. Yevristicheskie aspekty kategorii «sobytie» v komparativistskom analize mifa i nauki [Heuristic aspects of the category «event» in the comparative analysis of myth and science]// Siberian Journal of Science, 2012, no. 1 (2). Available at <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/230> (accessed 22 February 2015).
14. McCauley R.N. Cognition, Science and Religion: The Naturalness of Religion and the Unnaturalness of Science. Arlington: The University of Texas at Arlington, TX: Philosophy Lecture Series, 2005.
15. Ivushkina E.B. Otnosheniya nauki i mifa v yepohu postmoderna [The relationship of science and myth in the postmodern era] // Analitika kulturologii: yelektronnoe nauchnoe izdanie. Available at http://analiculturolog.ru/archive/item/395-article_23.html (accessed 8 November 2014).
16. Syrov V.N. Filosofiya yepohi postmoderna: vserez i nadolgo? [The philosophy of the postmodern age: the long haul?] // Filosofskaya i pravovaya mysl: almanah. Saratov; SPb., 2001. vol. 2. pp. 188–203.
17. Ardashkin I.B. Ontologicheskie osnovaniya problemnoorientirovannyh issledovaniy [Ontological Foundations of problem-oriented research] // Bulletin of the Tomsk Polytechnic University, 2012, vol. 320, no. 6. pp. 56–63.

Поступила 13.03.2015 г.